
В. Г. МЕДВЕДЕВ

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Статья посвящена анализу сущности и содержания Белого движения. Автор стремится объективно подойти к исследованию основных характеристик этого политического феномена российской истории, поскольку огромное количество написанных о нем научных и публицистических работ носит в той или иной степени политизированный характер. Это, в свою очередь, определяет отсутствие четкой государственной политики в вопросе национального примирения, о котором так много говорится в последнее время. Между тем пристальное внимание общества к проблемам, которые решались в России в начале столетия, таким как взаимоотношения общества и власти, масс и партий, государства и личности, народа и армии, государственного устройства и формы правления, классовый борьба и гражданское согласие, требуют скрупулезного анализа этого политического феномена российской истории. В связи с этим целью данной работы являются уход от идеологического и политического детерминизма и беспристрастный анализ характерных черт, сущности и содержания Белого движения. В статье дается авторская трактовка начала Белого движения, связанная с выступлением генерала Л. Корнилова в августе 1917 г. Проводится критический анализ взаимоотношений между лидерами движения и положения о его идейно-политическом и организационном единстве, анализируются и сопоставляются его основные оценки, утвердившиеся в исторической и историко-правовой науке: «контрреволюционность», «реакционность», «антибольшевизм» и пр. Рассматриваются характерные черты государственного оформления Белого движения на этапах его становления, развития и упадка, выявляются причины деградации государственных образований, корректировки их идеологии и политики из-за изменения отношения к нему большинства населения страны. Автор приходит к выводу о неизбежности поражения Белого движения, которое опиралось лишь на тонкий слой офицеров, казачества и интеллигентской молодежи.

Ключевые слова: Белое движение, правительство, террор, контрреволюция, политика, идеология, государственное образование, конституция.

Введение

Без малого столетие отделяет нас от Гражданской войны и Белого движения, вызванного революционными событиями 1917 г. Тем не менее споры о нем не умолкают до сих пор. Они разделяют общество на два противоположных лагеря: одни отстаивают идеалы Белой России, другие – большевистской государственности. О Белом движении написано множество научных и публицистических работ, однако, как правило, все они носят политизированный характер, что чрезвычайно затрудняет поиск объективной истины и определяет отсутствие четкой государственной политики в вопросе национального примирения, о котором так много говорится в последнее время. Между тем пристальное внимание общества к проблемам, которые решались в России в начале XX столетия, таким как взаимоотношения общества и власти, масс и партий, государства и личности, народа и армии, государственного устройства и формы правления многонациональной страны, классовой борьбы и гражданского согласия, требуют скрупулезного анализа такого феномена российской истории, как Белое движение. В связи с этим возникает настоятельная необходимость дистанцироваться от идеологического и политического детерминизма по отношению к его оценке и на этой основе проанализировать его основные характерные черты, беспристрастно взглянуть на его сущность и содержание.

Материалы и методы

При написании статьи в качестве источников использовались архивные документы, нормативно-правовые акты белых правительств, научные публикации, мемуары участников Белого движения и советских государственных деятелей, материалы периодических изданий и газетные статьи тех лет.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности, предполагающие непредвзятый подход к анализу рассматриваемой проблемы. В качестве методов исследования использовались такие, как проблемно-исторический, системного анализа, ретроспективный, хронологический, историко-сравнительный, историко-типологический и логи-

ческий. Использование данных методов позволило проанализировать генезис и развитие Белого движения, его характерные черты и особенности, выявить его сущность и содержание.

Обсуждение

Изучение различных сторон контрреволюции началось сразу же после окончания Гражданской войны. В 1920-е гг. появились работы С. А. Ингулова (1922), И. И. Минца (1927), М. Н. Покровского (1922) и других. Наиболее активная работа по изучению Белого движения проводилась в Институте красной профессуры, руководителем (ректором) и одним из организаторов которого был М. Н. Покровский. Слушатели организованного им семинара по истории Гражданской войны значительную часть своих работ посвящали исследованию вопросов контрреволюции.

В это же время, а также в начале 1930-х гг. достаточно много работ было посвящено исследованию Белого движения на региональном уровне. Примером может служить сборник «Колчаковщина» под редакцией Н. А. Корнатовского. Его авторы, следуя идеологическим установкам того времени, делали выводы об антисоветском, реставрационном и реакционном характере диктаторского режима А. Колчака, установленном в Сибири и на Дальнем Востоке (Корнатовский 1930). В это время появляются также публикации, посвященные так называемой «демократической контрреволюции» (Майский 1923).

Со второй половины 1930-х гг. усилилось идеологическое давление на ученых и уменьшилась источниковедческая база для проведения исторических исследований: широкий доступ к архивным фондам контрреволюции был закрыт, изымались из употребления буржуазная литература и материалы белой эмиграции. Сложившаяся в стране обстановка способствовала апологетическому характеру исследований, в результате чего авторы в своих работах стали рассматривать Белое движение с негативных позиций.

Новый подъем в изучении Белого движения начался в середине 1950-х и продолжался до конца 1980-х гг. Этот период отмечен появлением трудов Ю. И. Шестака, Л. М. Спирина, Г. З. Иоффе, Х. М. Астрахана, В. В. Гармизы и других авторов, а также сборников документов и материалов по вопросам советского хозяйствен-

ного и военного строительства, в которых в той или иной степени затрагивались проблемы Белого движения (Шестак 1987; Спирин 1968; Астрахан 1973; Гармиза 1970; Иоффе 1983 и др.).

Переломным рубежом в изучении Белого движения стали 1990-е гг., когда российское общество и государство перешли на новый путь развития. В постсоветское время появилось множество работ, непосредственно посвященных Белому движению, в которых исследуются его идеология, органы власти, характер политических режимов, военная организация и т. д. (Посадский 2000; Степанов 1998; Кирмель 2007; Абинякин 1999; Поляков 1992; Цветков 2000). Значительный вклад в изучение Белого движения внесли работы зарубежных авторов (Luckett 1971; Treadgold 1957; Kenez 1971; Chamberlen 1935; Smith 1958).

Результаты

В 1917 г. в российском социуме, разбуженном революцией, помимо политических партий, значительную роль в общественной жизни начинали играть общественные движения различной направленности, наиболее значимым среди которых было социалистическое. Оно имело четко выраженное революционное содержание и под большевистским влиянием стало приобретать радикальный характер.

В противопоставлении ему на другом полюсе политического спектра российского общества начало формироваться альтернативное движение охранительного толка, которое впоследствии получило название Белого движения. Оно зародилось в среде военных, его непосредственным организатором и вдохновителем стал генерал Л. Г. Корнилов. В советской историографии с подачи В. И. Ленина оно получило название «корниловщина». Вождь большевистской партии подчеркивал единую политико-правовую сущность корниловского выступления и Белого движения. Он связывал их воедино, когда говорил о двух полосах социалистической революции, одной из которых, по его словам, являлась «корниловщина», другой – «калединщина, колчаковщина, деникинщина» (Ленин 1970: 174).

Целью своего выступления генерал Корнилов ставил недопущение экономического хаоса, в который погружалось государство, «спасение армии» от демократизации, губительно влиявшей на моральный дух войск, что могло привести к окончательному развалу фронта, а также борьбу с Советами и большевиками (ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 121. Л. 173).

Достижение поставленных целей планировалось осуществить путем установления военной диктатуры, на что Временное правительство во главе с А. Ф. Керенским пойти не решилось. В связи с этим охранительное движение формировалось нелегально и не обладало ни конституционной, ни какой-либо иной правоспособностью. Не могло быть и речи о его государственной регистрации, отсутствовали фиксированное членство и устав, не было официальных источников финансовых средств. После Октябрьской революции оно стало перерастать в организованное военное и политическое противостояние повсеместно утверждавшейся в стране советской власти.

Белое движение, по мнению его участников, олицетворяло благородные помыслы приверженцев борьбы за государственно-организованную жизнь на принципах демократии, созыв нового Учредительного собрания (УС), восстановление законности и правопорядка. В период Гражданской войны Белое движение приняло довольно структурированную форму за счет образования на окраинных территориях бывшей Российской империи целого ряда антисоветских государственных образований.

Начиная с 1990-х гг. в отечественной историографии утвердилось представление о единстве идеологии и политики всех государственных образований «Белой России», которые признали общероссийскую власть в лице адмирала А. В. Колчака, получившего титул Верховного правителя (Цветков 2000: 57). Однако такое представление не вполне корректно. С формальной точки зрения антисоветские правительства юга, севера и северо-запада страны под нажимом глав союзных миссий не без серьезных колебаний вынуждены были признать верховенство власти Колчака. Чтобы добиться этого, генералу А. И. Деникину, например, пришлось предпринять немало усилий для преодоления яростного сопротивления Особого совещания, которое выступило категорически против

своего подчинения омскому кабинету. Главком вынужден был единолично принять решение о своем подчинении Верховному правителю и издать соответствующий приказ (ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 121. Л. 231). Один из членов Особого совещания Н. И. Астров вспоминал, что значительную роль в этом сыграл глава английской военной миссии генерал Ч. Дж. Бриггс, беседа с которым у Деникина состоялась в мае 1919 г. Астров был убежден, что решение Главкома ВСЮР (Вооруженные силы Юга России) диктовалось «исключительно страхом потери своего кресла» (Там же. Д. 3. Л. 55).

Формальное подчинение Главкома ВСЮР и его правительства Омску мало сказалось на государственно-правовом укладе, внутренней и внешней политике государственного образования, сформировавшегося на белом Юге. Генерал Деникин и его правительство в вопросе о верховенстве общероссийской власти исходили из того, кому первому – Колчаку или Деникину – с триумфом удастся въехать в Первопрестольную.

Непочтительное отношение к омскому правительству и непосредственно к адмиралу Колчаку наблюдалось во всех административных структурах ВСЮР. Например, есть свидетельства того, что на голове огромного гипсового бюста Верховного правителя, поставленного в коридоре Отдела пропаганды, постоянно сушилась тряпка для мытья полов. В кулуарных разговорах служащие язвительно отмечали, что Колчака можно так же «почитать» главой ВСЮР, как и китайского богдыхана (Михайловский 1993: 205–206).

На северо-западе России главнокомандующим образовавшегося там антисоветского северо-западного фронта приказом Колчака от 24 мая 1919 г. был назначен генерал Н. Н. Юденич. О формировании в данном регионе какого-либо правительства в приказе ничего не говорилось. Это подтверждает и телеграмма омского кабинета от 14 июня 1919 г. В ней сообщалось, что полученная Юденичем власть должна осуществляться исключительно от имени Верховного правителя и российского (омского) правительства, «никакого нового правительства» создавать не следует (ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 308. Л. 60). Однако генерал Юденич, идя на уступки главам союзных миссий, вынужден был создать свое правительство, которое помимо воли омского кабинета признало госу-

дарственную независимость Эстонии (ГАРФ. Ф. 206. Оп. 7. Д. 341. Л. 61).

Правительство Северной области также формально признало верховную власть адмирала Колчака, но фактически находилось в полной зависимости от администрации английского экспедиционного корпуса, влияние омского кабинета на его деятельность было минимальным. В русле политики «всероссийской власти» проводились лишь некоторые, до конца так и не завершенные мероприятия. Это проявилось в сферах земельной политики (в части временного оставления в пользовании крестьян захваченных ими в ходе так называемого «черного передела» земельных участков), денежной политики – по замене керенок на российские рубли, а также в сфере военной юстиции, которая довольно активно занималась пересмотром дисциплинарного устава и устава внутренней службы (Добровольский 1921: 21; СУР ВП СО. № 4. 1.01.1919).

Таким образом, говорить о государственно-политическом единстве Белого движения на всей территории России вряд ли возможно. Это единство было мнимым из-за его территориальной разобщенности и влияния, оказываемого на правительства антисоветских государственных образований главами иностранных военных миссий стран Антанты, преследовавшими свои корыстные интересы.

В Белом движении участвовали представители различных социальных слоев и групп населения. Офицеры после развала государства и армии пытались таким образом обеспечить содержание своим семьям (РГВИА. Ф. 3167. Оп. 1. Д. 9. Л. 83). По словам А. И. Деникина, многие из них шли в подпольные организации лишь потому, что там платили «хоть какие-то деньги» (Деникин 1991: 11). Кроме того, офицеры и их семьи жили в обстановке постоянной подозрительности и недоверия со стороны центральной и местных властей советской республики. «Нужно офицерство обуздать железной уздой», – требовал на заседании ВЦИК и Моссовета в июле 1918 г. Л. Троцкий (1926: 117–118). За любые сомнительные, по мнению властей, действия или высказывания они и их родные подвергались всевозможным репрессиям вплоть до расстрела.

Молодежь из среды интеллигенции руководствовалась желанием направить политико-правовое развитие российского общества по пути буржуазного парламентаризма, по которому шли страны

Западной Европы (РГВА. Ф. 39926. Оп. 1. Д. 13. Л. 67–68). Наиболее активная часть крестьянства, с воодушевлением принявшая декрет советского правительства о земле, посчитала себя обманутой после установления продразверстки и запрета свободной торговли. Определенная часть рабочих, в основном занятых в высококвалифицированном производстве – оружейники, печатники, железнодорожники и т. п., выступила против падения производства, роста безработицы, спекуляции, ограничения роли профсоюзов (Деникин 1925: 84). Казаки не желали делиться своей землей с иногородним населением (Там же).

По мере укрепления Советского государства многие участники Белого движения покидали его ряды. Известно, что около 42 000 царских генералов и офицеров вступили в Красную армию (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 41. Л. 63). Крестьяне и рабочие, познакомившись с политикой белых правительств, дистанцировались от борьбы. В результате белые армии, по словам генерала Н. Н. Головина и других участников Белого движения, помимо казачества и незначительной части мобилизованных крестьян, в основном стали комплектоваться юнкерами, офицерами, кадетами, гимназистами и студентами. Это «ополчение патриотической молодежи из интеллигентной среды было оторвано от народа» (Головин 1937: 148). В связи с этим высказывание генерала Деникина о том, что белые армии были народными, поскольку, как он писал в своих сочинениях, преобладание в них казаков и служилых офицеров не придавало им классового облика, вряд ли можно признать состоятельным (Деникин 1925: 85).

Попытки мобилизации в белые армии рабочих и крестьян для придания вооруженным силам массового и народного характера ни к чему не приводили. По словам генерала А. фон Лампе, в армии Колчака они при первых же поражениях дезертировали из боевых рядов и уходили к красным. Такая же ситуация складывалась и в Добровольческой армии. По данным контрразведки, правительство Вооруженных сил Юга России не пользовалось широкой поддержкой народных масс и просто «висело в воздухе» (Лампе 1991: 23).

Таким образом, Белое движение не носило единого и «всенародного» характера, как об этом говорили его вожди. Его не благословил даже патриарх Тихон, что явилось причиной раскола церкви

на практически самостоятельные управления (ГАРФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 51–65).

Политико-правовая сущность Белого движения в советской историографии рассматривалась как «контрреволюционная», «реакционная», «реставрационная», «антибольшевистская», «антисоветская». В настоящее время наблюдается иной подход. Современные исследователи считают, что данные характеристики, за исключением двух последних, не выдерживают никакой научной критики.

С данным положением можно согласиться лишь отчасти, так как мятеж генерала Л. Корнилова в августе 1917 г., с которым связывают начало Белого движения, в глазах демократической части общества, поддерживающей А. Ф. Керенского, выглядел как контрреволюционный и реакционный. В условиях военной диктатуры многие демократические завоевания Февральской революции были бы ликвидированы, о чем свидетельствовал приказ Корнилова № 897 от 28 августа 1917 г. (Там же. Ф. 446. Оп. 2. Д. 121. Л. 173). В интерпретации Керенского, «жернова двух диктатур» – генеральской и большевистской, приводимые в движение «белыми и красными вахмистрами», грозили «растоптать» «социальную справедливость, свободу и свободного человека» (Керенский 1922: 521).

Вместе с тем ряд современных авторов склоняется к тому, что к Белому движению нельзя в полной мере применять и термин «антисоветское». В борьбе против большевиков принимали участие и представители левых партий – эсеры, меньшевики и т. п., которые не выступали против идеи Советов. Однако такое суждение представляется не вполне корректным. На территориях всех антисоветских государственных образований деятельность Советов была прекращена. Исключение составляют лишь Северная область (СО), где в Мурманске ввиду удаленности от Архангельска в течение нескольких месяцев продолжал действовать краевой Совет. Однако и он специальным постановлением правительства СО в ноябре 1918 г. был распущен (СУР ВУ и ВП СО. № 1 от 15.11.1918). Следует оговориться, что правительственные власти в государственных образованиях «демократической контрреволюции», которых в ходе Гражданской войны на окраинных территориях страны в разное время насчитывалось до 18, открыто не выступали против деятельности Советов, но в то же время и не противодействовали пра-

вым силам и военной администрации в деле их ликвидации. Ярким примером этому служит Комуч, после учреждения которого военные самостоятельно разогнали Советы во всех городах Среднего Поволжья (ГАСО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 3. Л. 10, 11, 18; ГАУО. Ф. 157. Оп. 3. Д. 39. Л. 59).

Кроме того, антисоветские государственные образования с демократическими политическими режимами, как правило, являлись недолговечными и вынуждены были уступить свое место военным диктатурам. Например, накануне переворота адмирала А. В. Колчака в Сибири подверглась роспуску эсеровская по своему составу Сибирская областная дума, а в ходе переворота многие члены УС были заключены в тюрьму, и некоторые из них погибли (ГАРФ. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 15. Л. 11–12). Даже лояльным представителям левых партий не оставалось места в Белом движении. Под лозунгом «департизации» госслужбы их изгоняли (за исключением СО) из всех государственных органов. Им ничего не оставалось, как уходить в подполье и организовывать в тылу белых армий восстания и мятежи. Так, например, колчаковской контрразведкой только в первом полугодии 1919 г. было зафиксировано 85 восстаний, организованных эсерами и меньшевиками (Там же. Ф. 147. Оп. 8. Д. 28. Л. 88).

Казалось бы, нельзя говорить о Белом движении как «реставрационном» с учетом высказываний адмирала А. В. Колчака, генералов Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина и других его лидеров и идеологов о «закреплении» революционных завоеваний и восстановлении попраных большевиками прав и свобод граждан. Однако в государственных структурах и армии насчитывалось значительное количество приверженцев монархии. Руководители Белого движения вынуждены были с этим считаться. Так, А. И. Деникин писал, что если бы он открыто выдвинул антимонархический лозунг, то ряды движения сразу же покинула бы половина его сторонников (Деникин 1925: 125). В этом, очевидно, скрыта главная причина ограничения политико-правовой доктрины Белого движения лозунгом «непредрешения» будущей государственности страны, и не случайно на закате борьбы в 1922 г. в Приамурье Земским собором было вынесено решение о реставрации монархии династии Романовых (Филимонов 1971: 54).

В отечественной историографии этапы Белого движения традиционно рассматриваются в соответствии с периодами Гражданской войны. Но его предысторию, как представляется, можно отнести к марту – октябрю 1917 г., становление – к октябрю 1917 – июню 1918 г., к этапу так называемой «мягкой» гражданской войны. О начале Белого движения в научной среде ведется много споров. Автор, как и некоторые исследователи, считает, что его предыстория связана с августовским мятежом генерала Л. Г. Корнилова.

Лето и осень 1918 г. были отмечены эскалацией Гражданской войны. В этот период на территориях казачьих войск образуются различные автономные государственные образования, на Дону из руководителей Добровольческой армии формируется первое антисоветское правительство. В Среднем Поволжье бывшими членами Учредительного собрания создается Комуч, правопреемником которого формально становится Уфимская Директория, но реальная власть принадлежит Сибирскому правительству.

Зима 1918 – лето 1919 г. – это время, когда Белое движение достигает наибольших успехов в своем развитии. Во всех антисоветских государственных образованиях устанавливаются военные диктатуры. В этот период Верховным правителем России адмиралом А. В. Колчаком и его правительством предпринимаются безуспешные шаги по координации государственной идеологии и политики, а также унификации законодательства на всех территориях «Белой России».

Со второй половины 1919 по осень 1920 г. в результате военных поражений происходит спад Белого движения. Крестьяне, не дождавшись от антисоветских правительств адекватного разрешения аграрного вопроса, склоняются на сторону советской власти. Для привлечения их в ряды своей армии генерал П. Н. Врангель идет на коренное изменение земельного законодательства, которое основной массой крестьян Северной Таврии и Крыма воспринимается с полным равнодушием. 1920–1922 годы характеризуются последними вспышками Гражданской войны и окончательной деградацией Белого движения, которое переносится за границу и приобретает эмигрантский характер.

Предыстория Белого движения своими корнями уходит в кризис легитимности власти Временного правительства. В силу этого

государство утратило функции управляющей системы, и решение многих вопросов перешло к Советам. Военный министр А. И. Гучков в письме генералу М. В. Алексееву констатировал: «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, каковые допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов...» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2186. Л. 19).

Вместе с тем по принципу саморегулирования на противоположном конце политического спектра российского общества в качестве антипода Советам и потерявшему легитимность Временному правительству начало формироваться охранительное движение. Его руководитель главковерх Л. Г. Корнилов планировал ликвидировать Советы, распространить юрисдикцию военно-полевых судов на тыловые территории, восстановить дисциплинарную власть военачальников и командиров, ввести «в узкие рамки» законности компетенцию и полномочия армейских комитетов. Свои требования он изложил в «Записке» Временному правительству. Его программа также содержала требование обновления правительства и осуществления репрессивной деятельности в отношении антиправительственной деятельности большевиков (Деникин 1925: 152).

После Октября 1917 г. охранительное движение переместилось из столицы и центра страны на ее окраины, получив название Белого движения. Оно стало социально-политической основой формирования антисоветских государственных образований. Первое Белое правительство в виде триумvirата генералов Л. Г. Корнилова, М. В. Алексеева и А. М. Каледина было создано на Дону в декабре 1917 г. Компетенция М. В. Алексеева включала решение вопросов гражданского управления, финансов и внешних сношений; военную власть должен был осуществлять генерал Л. Г. Корнилов; атаману А. М. Каледину поручалось управление областью Войска Донского (РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–13). Верховную власть представляло собрание триумvirов. В его компетенцию

входило решение общегосударственных вопросов. Председательствовать на каждом заседании должен был тот триумвир, в ведении которого находился обсуждавшийся вопрос. В качестве законосовещательного органа выступал созданный при триумвирах Донской гражданский совет. Он включал в себя офицеров и видных партийных функционеров, включая и левых, например эсера Б. В. Савинкова, который представлял «революционную демократию» (Организация... 1922: 241). После гибели генерала Л. Г. Корнилова Белое движение и сложившееся на территории ВСЮР государственное образование возглавил генерал А. И. Деникин.

К началу весны 1918 г. генералом Корниловым была разработана так называемая Конституция (Политическая программа), в которой излагались основные положения Белого движения. Корнилов считал, что созданное на Юге России правительство должно быть ответственным перед Учредительным собранием, которое «должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное Собрание должны быть произведены свободно, без всякого давления на народную волю и во всей стране. Личность народных избранников священна и неприкосновенна. ...Правительство, созданное по программе ген. Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным Собранием, коему она и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собрание, как единственный хозяин Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй. ...Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного Собрания. До разработки последним в окончательной форме земельного вопроса и издания соответствующих законов, всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми» (Организация... 1922: 244). В «Конституции» говорилось также: «За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормировки труда, свободы рабочих союзов, собраний и стачек, за исключением насильственной социализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественной промышленности. ...Генерал Корнилов признает за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного един-

ства. Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны Правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и нерушимый союз братских народов» (см.: Корнилов 1918; Организация... 1922: 244).

На восточных окраинах страны, в Сибири и на Дальнем Востоке в рамках Белого движения сформировалось другое антисоветское государственное образование с военно-диктаторским режимом адмирала А. В. Колчака. В местных газетах этот режим получил название «национальной» диктатуры, в отличие от большевистской (Национальная... 1918; Народная... 1919).

Государственное оформление Белого движения периода 1918 – начала 1919 г. отличалось специфическими особенностями. Политико-правовые установки в вопросах государственно-территориального устройства отдельных антисоветских правительств не совпадали с идеей «единой и неделимой» России. Это относится, в частности, к «державному» украинскому правительству гетмана П. П. Скоропадского. Отсутствие единой государственной идеологии, территориальная разобщенность, лозунги отрицания большевистской власти и неготовность принимать окончательные решения по вопросам будущего государственного строительства до того, как их примет Учредительное собрание, предопределили слабость Белого движения. Требование «непредрешенности» не соответствовало уровню правосознания широких слоев населения, что сужало социальную базу движения. Большая часть населения страны ждала от белых вождей четкой и ясной программы действий, подобной большевистской «Мир – народам, земля – крестьянам» и т. д.

Следует отметить, что идеологи и вожди Белого движения выдвигали не только лозунги «отрицания» и «непредрешенности», у них были и созидательные идеи. Так, например, генералом М. В. Алексеевым предлагалось на территории Донского войска путем создания твердого политического и правового порядка не только направить развитие общества в традиционное русло, но и провести значительную модернизацию экономики и социальных отношений, что должно было привлечь население страны к борьбе с большевиками. Постепенно эту территорию следовало расши-

рять, как «масляную каплю», используя военную силу и поддержку союзников. Однако ввиду того, что антисоветские государственные образования были территориально разобщены и власть в них была слабой и неустойчивой, что обуславливалось отрицательным или безразличным отношением к ней большинства населения, создание конкретной программы по реализации данной идеи в масштабах страны не представлялось возможным (Письмо... 1926: 77–79).

В ходе Гражданской войны идеи о путях построения будущего государства у руководителей Белого движения постоянно изменялись. Так, если январская «Конституция» генерала Корнилова 1918 г. призывала к защите УС, то в 1919 г. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак предлагал созвать представительный орган уже на новой, сословной и профессиональной, а не партийной основе и в соответствии с этим назвать его Национальным или Народным собранием. На юге страны казачьим парламентам будущая государственность представлялась в виде сложившегося в 1917–1918 гг. так называемого Юго-Восточного союза, объединявшего казачество и горские народы в своеобразную федерацию (Деникин 1925: 203). Северо-западным правительством планировалось создание в Петрограде временного Областного собрания, которое должно было определить дальнейший порядок управления в «Петроградской области» и стать прообразом возможной всероссийской власти (Кирдецов 1921: 230–231).

Все это говорит о том, что каждым государственным образованием «Белой России» контуры будущей государственности выделялись по-своему. Общим являлось то, что именно исполнительная власть становилась приоритетом строительства государственного механизма. Лишь она, как считалось, могла обеспечить стабильность и должный порядок в обществе. Однако, как отмечалось в печати, это неминуемо должно было привести к авторитаризму, за которым маячил призрак традиционного для России государственного патернализма (К вопросу... 1919). Такое положение не могло устроить широкие слои населения, что отрицательно сказалось на легитимности власти.

Как известно, в период Гражданской войны авторитаризм воплотился в военных диктатурах. Однако военные диктаторы не обладали неограниченной и единоличной властью, поскольку вынуждены были согласовывать свои действия с партийной и финан-

сово-промышленной элитой. Так, например, адмирал А. В. Колчак фактически был назначен на должность Верховного правителя с санкции Совета министров Временного Всероссийского правительства, восставшего против Директории, в свое время сформировавшей его. Опасаясь возможного противодействия со стороны министров, он не посещал заседания правительства.

Диктатура генерала Деникина считалась либеральной, потому что своим правом вето в отношении решений Особого совещания он пользовался лишь два раза. На территориях казачьих войск войсковые Рады и Круги постоянно ограничивали единоличное правление атаманов, из-за чего порой между ними возникали серьезные конфликты. Таким образом, власть белых диктаторов была не полной, в своих решениях они вынуждены были учитывать мнения представителей политических партий и общественных движений, наиболее влиятельными среди которых были кадетский по составу Национальный центр (НЦ) и Совет государственного объединения России (СГОР) (Шишкин 1992: 9–14; Цветков 2000: 61).

Конец 1919 г. ознаменовался рядом крупных военных поражений, одной из причин чего стало отчуждение власти от общества из-за отсутствия в государственном механизме представительных органов. Для преодоления политического кризиса в сентябре 1919 г. Колчак провозгласил необходимость созыва Земского совещания. Идя навстречу требованиям казаков, Деникин вынужден был согласиться на создание объединенного представительства от донского, кубанского и терского казачества и ответственного перед ним Совета министров, олицетворявшего Южнорусское правительство. В качестве верхней палаты этого своеобразного парламента планировалось со временем создать Высший Совет, аналогичный Госсовету Российской империи. Половина членов Совета должна была назначаться главкомом ВСЮР, в другую половину должны были входить выборные представители от казачьих областей, городов и земств (Врангель 1928: 44). Однако эти планы не были претворены в жизнь из-за стремительного наступления Красной армии.

На закате Белого движения проекты будущего государственного устройства изменились. Все помыслы его лидеров теперь были направлены на то, чтобы удержать оставшиеся окраинные клочки подвластных им территорий и создать на них привлекательные для

населения «опытные поля» демократической государственности, альтернативной советской. «Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, – говорил последний белый диктатор П. Н. Врангель, – а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы... народа» (Врангель 1928: 90). Примерно аналогичные идеи высказывались и генералом М. К. Дитерихсом в сентябре 1922 г. на Приамурском национальном съезде (Петров 1930: 221–222).

Вместе с тем демократические начала в жизнь общества должна была привнести военная диктатура. Это, по мнению генерала Врангеля, исключало «разлагающие действия» политики в сфере государственного строительства. Однако к 1920 г. большая часть партийных функционеров отошла от борьбы и Белого движения, посчитав их безнадежно проигранными. В такой обстановке роль военных вождей значительно усилилась. Однако их попытки проведения «левой» государственной политики «правыми руками» были обречены на провал. Для этого уже ни в Крыму, ни на Дальнем Востоке, ни в Забайкалье, ни в Монголии не оставалось ни времени, ни пространства, ни сил.

В ходе Гражданской войны значительным изменениям подвергся и лозунг «единой и неделимой». Чтобы привлечь для борьбы с советской властью нерусские народы, антисоветские правительства постепенно ослабляли свою унитаристскую политику. Так, в мае 1919 г. в разгар весенней военной кампании Колчаком было заявлено о возможности разрешить судьбу Литвы, Латвии и Эстонии, а также северокавказских и закавказских народностей и де-юре предоставить государственную независимость Финляндии и Польше, поскольку де-факто они уже вышли из состава России. В соответствии с этим решением в Терско-Дагестанском крае правительством генерала Деникина были созданы особые автономные округа, на которых проживали чеченский, ингушский, дагестанский, осетинский и кабардинский народы. Ими управляли «избранные правители» из числа местной знати, лояльно настроенные к белой администрации (Кирдецов 1921: 214; Цветков 2000: 68).

В целом же белые вожди готовы были предоставить нерусским народам лишь культурно-национальную автономию. Наглядно это

проявилось в ситуации, когда Деникиным был предпринят «поход на Москву» и для привлечения на свою сторону населения Украины необходимо было решать вопрос, касавшийся ее национально-государственного самоопределения. Но дальше провозглашения культурно-национальной автономии и «областного устройства» ее территории главком ВСЮР не пошел, о чем говорилось в его обращении к населению. Украинская народная республика и ее правительство во главе с С. В. Петлюрой упразднились и ставились вне закона (Обращение... 1919). Таким образом, во всех государственных образованиях «Белой России» проблема государственного устройства оставалась нерешенной, что толкало нерусские народы на борьбу за свое национальное самоопределение.

Закат Белого движения знаменовался тем, что его лидеры осознали всю бесперспективность лозунга «единой и неделимой» и задумались о возможности перехода к федеративному государственному устройству. Так, правительство генерала П. Н. Врангеля осенью 1920 г., рассчитывая получить поддержку северокавказских горцев, предприняло попытку заключения с ними союзного договора через Саид-бека, приходившегося внуком имаму Шамилю. Договор предполагал вхождение их в состав будущего российского государства на федеративных началах. Кроме того, генерал Врангель в беседе с И. Маркотуном, представлявшим Украинский национальный комитет, заявил, что его правительство будет всячески поддерживать в Украине «национальные демократические силы», стремящиеся к федеративному устройству будущей России.

Аналогичные взгляды выражали лидеры Белого движения на востоке страны. Так, если в 1919 г. чиновник Министерства внутренних дел на прошение о культурно-национальной автономии якутского народа мог написать: «Выпороть бы вас!», то в 1922 г. генералу А. Н. Пепеляеву для вовлечения тунгусов и якутов в сибирский «освободительный поход» уже приходилось говорить об их национальном самоопределении на началах федерализма (Вишневский 1933: 9–10; Серебрянников 1936: 84–87). Однако изменение взглядов белых вождей на национально-государственное устройство России уже ничего не могло изменить. Белое движение неуклонно двигалось к своему закату.

Помимо военных факторов, причины поражения Белого движения в значительной степени заключались в правовой политике правительств антисоветских государственных образований, которые не в состоянии были на законодательном уровне разрешить земельный и рабочий вопросы. В целом ими признавалась необходимость предоставления крестьянам прав на пользование землей, и все проекты по возврату помещикам захваченных у них земель лидеры Белого движения безоговорочно отклоняли (Деникин 1925: 222). Однако они были не готовы взять на себя до всякого постановления Учредительного собрания или иных форм общероссийского народного представительства решение аграрного вопроса. Аграрные законы белых правительств предоставляли крестьянам лишь право временной, «до победы над большевизмом», аренды земельных участков.

Вместе с тем генерал П. Н. Врангель окончательно понял политическую важность крестьянского вопроса и вынужден был радикально поменять подходы к его решению. «Новый курс» Врангеля на законодательном уровне закрепил захваты земель крестьянами, получившими возможность выкупать земельные угодья, которые, как было записано в законе, поступали на правах полной частной собственности в их распоряжение (Немирович-Данченко 1922: 44–46). Но этот запоздавший закон не возымел должного действия, поскольку советской властью земля предоставлялась крестьянам совершенно бесплатно.

В рамках регулирования «рабочего вопроса» белыми правительствами принимались нормативные акты, в которых говорилось о свободе профсоюзов, восьмичасовом рабочем дне, социальном страховании и т. д. Однако рабочим организациям запрещалось вести какую-либо политическую деятельность. Свобода профсоюзов была сведена лишь к разрешению споров, возникавших между работодателями и рабочими (Никифоров 1919: 17). В целом администрирование и правовое регулирование рабочего вопроса были довольно мягкими, однако значительная часть рабочих отрицательно относилась к власти, поскольку правительственная поддержка рабочих в условиях спекуляции и товарного дефицита, безудержного роста цен и развала промышленности полностью отсутствовала.

На всех территориях «Белой России», как и в Советском государстве, в широких масштабах осуществлялась уголовно-репрес-

сивная деятельность, не укладывавшаяся ни в какие рамки законности. Белый террор, так же как и красный, был превращен в важнейшую составляющую государственной политики. Об этом во множестве свидетельствуют нормативно-правовые документы белых властей всех уровней. Нельзя забывать и о жестоких методах, с помощью которых местными администрациями «выколачивались» из населения деньги и хлеб, а также проводились мобилизации призывников. Все это вызывало у населения отрицательное отношение к власти.

Заключение. Таким образом, зародившись в дворянско-буржуазных и интеллигентских слоях российского общества, преимущественно в военной среде, Белое движение явилось социально-политической основой антисоветского государственного и правового строительства на окраинных территориях бывшей Российской империи. Оно имело антисоветский, антибольшевистский характер и было направлено на восстановление буржуазной государственности и права. Военно-диктаторский облик движения придавал ему реакционные черты.

Содержание и политико-правовая сущность Белого движения не смогли стать основой эффективной государственной политики белых правительств, основой формирования конкретных и четких ориентиров государственного и общественного развития, приемлемых для крестьян, рабочих и демократической интеллигенции. В результате Белое движение утратило поддержку большей части населения страны и обрекло себя на поражение.

Литература

Абинякин, Р. М. 1999. Военно-патриотические организации 1917 г.: к предьстории Белого движения. *Белая армия. Белое дело* 6: 5–12.

Астрахан, Х. М. 1973. *Большевики и их политические противники в 1917 году: Из истории политических партий в России между двумя революциями*. Л.: Лениздат. 456 с.

Вишневский, Е. К. 1933. *Аргonautы белой мечты*. Харбин. 29 с.

Врангель, П. Н. 1928. Записки. В: фон Лампе, А. А. (ред.), *Белое дело. Летопись белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светл. князем А. П. Ливеном*: в 6 т. Т. VI. Берлин: Медный всадник. С. 69–197.

Гармиза, В. В. 1970. *Крушение эсеровских правительств*. М.: Мысль. 296 с.

Головин, Н. Н. 1937. *Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.*: в 12 кн. Кн. 5. Париж: Иллюстрированная Россия. 840 с.

Деникин, А. И.

1925. *Очерки русской смуты*: в 5 т. Т. IV. *Вооруженные силы Юга России*. Берлин; Париж: Я. Поволоцкий; Слово. 244 с.

1991. Кто спас советскую власть от гибели. В: Деникин, А. И., фон Лампе, А. А. *Трагедия Белой армии*. М.: ТриТэ; Российский Архив. С. 3–12.

Добровольский, С. Д. 1921. Борьба за возрождение России в северной области. *Архив русской революции*: в 22 т. Т. 3. Берлин: Слово. С. 5–146.

Ингулов, С. 1922. О бурно пожившей и бесславно погибшей партии (обзор литературы об эсерах). *Печать и революция [Журнал марксистской критики искусств]* 8: 93–101.

Иоффе, Г. З. 1983. *Колчаковская авантюра и ее крах*. М.: Мысль. 298 с.

К вопросу о демократии. 1919. *Киевлянин* 40. 11 октября.

Керенский, А. Ф. 1922. *Издалька. Сборник статей (1920–1921 гг.)*. Париж: Русс. книгоизд-во Я. Поволоцкого и Ко. 270 с.

Кирдецов, Г. 1921. *У ворот Петрограда (1919–1920 гг.)*. Берлин: Русская тип. Е. А. Гутнова. 365 с.

Кирмель, Н. С. 2007. *Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы гражданской войны в России (1918–1922)*. М.: ВУ. 136 с.

Корнатовский, Н. А. (ред.). 1930. *Колчаковщина. Из белых мемуаров*. Л.: Красная Газета. 240 с.

Корнилов, Л. Г. 1918. Конституция (Проект конституции генерала Корнилова), Ростов-на-Дону, январь 1918 года. *Память чести*. URL: <http://www.white-guard.ru/go.php?n=53&id=242> (дата обращения: 20.04.2018).

Лампе, А. А. фон. 1991. Причины неудачи вооруженного выступления белых. В: Деникин, А. И., фон Лампе, А. А., *Трагедия Белой армии*. М.: ТриТэ; Российский Архив. С. 13–32.

Ленин, В. И. 1970. Речь на беспартийной рабоче-красноармейской конференции Басманного, Лефортовского, Алексеевского и Сокольнического районов 3 сентября 1919 г. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.*: в 55 т. Т. 39. С. 173–180.

Майский, И. М. 1923. *Демократическая контрреволюция*. М.; Пг.: Госиздат. 360 с.

Мицц, И. И. 1927. В белой эмиграции (По поводу книги «Белое дело»). *Большевик* 6: 40–49.

Михайловский, Г. Н. 1993. *Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 гг.*: в 2 кн. Кн. 2. М.: Международные отношения. 688 с.

Народная диктатура. 1919. *Уральская жизнь* 22 января.

Национальная диктатура. 1918. *Сибирский вестник* 26 ноября.

Немирович-Данченко, Г. В. 1922. *В Крыму при Врангеле. Факты и итоги*. Берлин: Тип. Р. Ольденбурга. 130 с.

Никифоров, Д. 1919. *Производительность труда и задача Добровольческой армии в рабочем вопросе*. Харьков: б. и. 18 с.

Обращение к населению Малороссии. 1919. *Киевлянин* 1. 26 августа.

Организация власти на Юге России в период гражданской войны. 1922. *Архив русской революции*: в 22 т. Т. 4. Берлин: Слово. С. 241–251.

Петров, П. П. 1930. *От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.)*. Рига: Изд-е М. Дидковского. 250 с.

Письмо Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексеева к генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу. 1926. В: фон Лампе, А. А. (ред.), *Белое дело. Летопись белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светл. князем А. П. Ливеном*: в 6 т. Т. I. Берлин: Медный всадник. С. 77–82.

Покровский, М. Н. 1922. *Контрреволюция за 4 года*. М.: Госиздат. 14 с.

Поляков, Ю. А. 1992. Гражданская война в России: возникновение и эскалация. *Отечественная история* 6: 32–40.

Посадский, А. В. 2000. Из истории Саратовской бригады Государственной стражи. *Белая армия. Белое дело* 8: 39–46.

Серебрянников, И. И. 1936. *Великий отход: Рассеяние по Азии белых русских армий, 1919–1923*. Харбин: Изд-во М. В. Зайцева. 267 с.

Спирин, Л. М. 1968. *Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.)*. М.: Мысль. 438 с.

Степанов, М. М. 1998. Кадры органов внутренних дел белых правительств. *Следователь* 8: 56–64.

Троцкий, Л. Д. 1926. Социалистическое отечество в опасности. В: Троцкий, Л. Д., *Соч.*: в 23 т. Т. 17. Ч. 1. С. 117–121.

Филимонов, Б. Б. 1971. *Конец белого Приморья*. Сан-Франциско: Изд-во Русского книжного дела в США Victor Kamkin. 371 с.

Цветков, В. Ж. 2000. Белое движение в России. 1917–1922 годы. *Вопросы истории* 7: 56–74.

Шестаков, Ю. И. 1987. *Банкротство мелкобуржуазного революционизма*. М. 63 с.

Шишкин, В. И. 1992. К характеристике политических взглядов адмирала А. В. Колчака в 1917–1919 гг. *Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия «История, филология, философия»* 3: 9–14.

Chamberlen, W. H. 1935. *The Russian Revolution (1917–1921)*. New York: The Macmillan Co. 435 pp.

Kenez, P. 1971. *Civil War in South Russia, 1918. The First Year of the Volunteer Army*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press. 351 pp.

Luckett, R. 1971. *The White Generals. An Account of the White Movement and the Russian Civil War*. New York: Viking Press. 413 pp.

Smith, C. J., Jr. 1958. *Finland and the Russian Revolution 1917–1922*. Atlanta: University of Georgia Press. 98 pp.

Treadgold, D. W. 1957. The Ideology of the White Movement. Wrangel's Leftist Policy from Rightist Hands. In Mclean, H., Malia, M. E., Fischer, G. (eds.), *Russian Thought and Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press. Vol. IV (Harvard Slavic Studies). Pp. 481–497.

Архивы:

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАСО – Государственный архив Самарской области.

ГАУО – Государственный архив Ульяновской области.

РГВА – Российский государственный военный архив.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

СУР ВП СО – Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства Северной области.

СУР ВУ и ВП СО – Собрание узаконений и распоряжений Верховного Управления и Временного правительства Северной области.